

Научная статья

УДК 811.511.142

doi: 10.17223/19996195/61/3

Корпусный подход к анализу синтаксической сочетаемости хантыйских глаголов движения (на материале ваховского диалекта)

Виктория Владимировна Воробьева^{1,2},
Ирина Владимировна Новицкая³

¹ Институт системного программирования РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

^{1,2} vorobeva@tpu.ru

³ irno2012@yandex.ru

Аннотация. Исследуется синтаксическая сочетаемость глаголов движения в ваховском диалекте хантыйского языка. Работа проводилась с помощью инструментов платформы для документации уральских языков ЛингвоДок. Функционал Лингводока позволяет быстро производить отбор искомым единиц согласно заданным параметрам поиска, однако не предусматривает количественной обработки получаемой выборки. Для анализа были взяты корпус ваховского диалекта, материал которых был собран в 2017–2019 гг. в местах проживания восточных ханты, преимущественно в п. Корлики. Данный материал постепенно выкладывается на платформу. В настоящее время имеется доступ к текстовому материалу общим объемом около 5 тыс. слов.

Цель статьи заключается в выявлении моделей синтаксической валентности глаголов движения в ваховском хантыйском. Из доступных аннотированных корпусов была сделана выборка предложений, содержащих единицы из лексико-семантической группы глаголов движения, обозначающих физическое перемещение человека и представителей фауны в пространстве. Результаты обработки языковых данных, полученных с помощью инструмента «Валентность глаголов», позволяют заключить, что к числу наиболее частотных глаголов движения относятся такие лексические единицы, как *mäntä* ‘идти, ехать, плыть’, *jōta* ‘приходить, приезжать, приплывать’, *jälä* ‘приходить, идти (с целью)’, *koŋalta* ‘шагать, гулять’.

Глаголы движения могут открывать от одной до трех актантных позиций. Помимо обязательной субъектной позиции глагол может требовать подле себя заполнения объектной позиции. Ее может реализовывать актант, указывающий на конечную или начальную точку движения или на обе одновременно. Помимо начальной и (или) конечной точки движения объектные актанты могут обозначать сопутствующий и соучаствующий предметы; объект, по которому происходит движение; место, где происходит действие; средство и способ передвижения. В конструкциях объектные актанты могут получать различное грамматическое оформление либо синтетическим способом (посредством падежных суффиксов), либо аналитическим (при помощи послелогов), в некоторых случаях грамматические маркеры могут быть материально не выражены. Актант на позиции прямого объекта не маркируется, так как всегда стоит в предглаголь-

ной позиции. Косвенный объект получает оформление посредством маркеров лативного, аллативного, локативного, комитативного, косвенно-объектного, аблативного и абессивного падежей. Задействованы семь из восьми падежных суффиксов ваховской падежной парадигмы (исключение составляет транслативный падеж). Косвенный объект при глаголе движения может также реализовывать синтаксическую связь посредством двух видов послелогов, с помощью которых именной элемент в функции объекта связывается синтаксически с другими членами предложения. Собственно послелог используются в неизменяемой форме и функционируют как предлоги. Послеложные имена маркируются суффиксами лативного, аблативного, аллативного и местного падежей и синтаксически связаны с именными единицами, которые, чаще всего, выступают без падежного маркирования.

Ключевые слова: валентность, глагол, хантыйский язык, ваховский диалект, сочетаемость, ЛингвоДок

Для цитирования: Воробьева В.В., Новицкая И.В. Корпусный подход к анализу синтаксической сочетаемости хантыйских глаголов движения (на материале ваховского диалекта) // Язык и культура. 2023. № 61. С. 29–46. doi: 10.17223/19996195/61/

Original article

doi: 10.17223/19996195/61/

A corpus approach to the analysis of syntactic Valency of the Khanty verbs of movement (the Vakh Khanty dialect)

Victoria V. Vorobeve^{1,2}, Irina V. Novitskaya³

¹ *Ivannikov Institute for System Programming of the RAS, Moscow, Russia*

² *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia*

³ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia*

^{1,2} *vorobeve@tpu.ru*

³ *irno2012@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the syntactic compatibility of verbs of motion in the Vakh dialect of the Khanty language. The study was conducted using the tools of the platform LingvoDoc designed for documentation of the Uralic languages. The functions of LingvoDok enable researchers to select rather quickly language units in accordance with some specified search parameters. However, the platform does not carry out any quantitative processing of samples. The language data for analysis was selected from the corpora of the Vakh dialect texts, which were documented in the places of residence of the Eastern Khanty, mainly in the village of Korliki, in 2017–2019. These field data are gradually being uploaded to the platform and what is currently accessible is the textual material totalling about five thousand words.

The purpose of the article is to describe models of syntactic valence that the Vakh Khanty verbs of motion display in the filed data. A collection of sentences containing units from the lexical-semantic group of verbs of motion, denoting physical movement of a person and representatives of fauna was retrieved from the available annotated corpus. The corpus of examples obtained by means of the "Valency of the verb" function enables us to infer that the most frequent verbs of motion include such lexical units as *māntä* 'go, swim', *jōta* 'come, sail', *jältä* 'come, go (with a purpose)', *ḡoḡäl-ta* 'walk, stroll'.

Verbs of motion can require filling from one to three valency slots. In addition to the obligatory subject slot, the verb may require object slots to be filled as well. The latter can be verbalized by the units denoting a destination or a starting point of the movement, or both simultaneously. In addition to the starting point of movement or its destination, objects can designate accompanying and co-participating objects, the object along which the movement occurs, the place where the action takes place, the means and method of movement. In verb phrases, the object slots are filled by nominal units whose grammatical forms either contain case suffixes (synthetic marking) or require using postpositions (analytic marking). In some cases grammatical markers may have zero form (they are not materially expressed). The actant in the position of the direct object is not grammatically marked, since it always stands in the preverbal position. The indirect object receives marking by means of suffixes of the lative, allative, locative, comitative, oblique-objective, and ablative cases. Seven out of eight case suffixes of the Vakh Khanty nominal declension paradigm are involved in this marking (one exception is the translative case). An indirect object can also be syntactically connected to a verb of motion via two types of postpositions, with the help of which the nominal element in the function of the object is syntactically linked to other members of the sentence. Postpositions per se are used in an invariable form and function as prepositions. Postpositional nominal elements are marked with suffixes of the lative, ablative, allative and local cases and are syntactically linked to nominal units, which do not tend to have any case suffixes.

Keywords: valence, verb, Khanty language, Vakh dialect, compatibility, LingvoDoc

For citation: Vorobeva V.V., Novitskaya I.V. A corpus approach to the analysis of syntactic Valency of the Khanty verbs of movement (the Vakh Khanty dialect). *Language and Culture*, 2023, 61, pp. 29-46. doi: 10.17223/19996195/61/3

Введение

Сочетаемость языковых единиц является их фундаментальным свойством, проявляющимся на всех уровнях языковой системы и отражающим потенциальные возможности единиц синтагматически объединяться в более крупные комплексы, что в лингвистике терминологически обозначается как валентность. Изучение валентных свойств основных классов слов (глаголов, существительных, прилагательных и др.) в языках мира представляет собой одно из актуальных и активно разрабатываемых направлений в типологической лингвистике. Значимость подобных исследований велика, поскольку валентность языковых единиц предопределяет синтагматические связи единиц в речевых конструкциях, отражает особенности семантики языковых единиц и, следовательно, их коллокационные (сочетаемостные) свойства. Исследование валентных характеристик языковых единиц важно как для теории языка, понимания сущностных свойств грамматического строя и механизма функционирования языка, так и для прикладных целей, например для практического овладения языком, его преподавания и лексикографической практики.

В настоящее время корпус исследований валентности лексических единиц различных классов включает в себя сотни работ. Ряд исследований посвящен разработке положений теории валентности [1–4]. В рамках этого направления рассмотрены такие вопросы, как определение сущности валентности, разграничение ее типов или уровней, методика выявления актантов (аргументов, партнеров) у носителя валентности, определение сочетательных возможностей частей речи, взаимосвязи валентности глагола и его семантики, категории залога и др. [5]. Ведущим направлением в исследованиях валентности языковых единиц, прежде всего лексических, является изучение синтаксической сочетаемости глаголов, т.е. выявление и анализ его валентной структуры (valency frame, valency pattern, argument structure), что связано с широко распространенной в лингвистике вербоцентрической моделью предложения [2, 6]. Работы, посвященные описанию валентных моделей существительных, прилагательных и других классов лексических единиц в различных языках мира, менее многочисленны.

Валентные свойства лексических единиц в (финно-)угорских языках до настоящего времени не получили подробного и всестороннего описания. Значительный вклад в разработку данного аспекта сделан В.Н. Соловар, в серии работ которой описаны группы глаголов, сочетающихся с различными провербами в казымском, шурышкарском, приуральском и сургутском диалектах хантыйского языка, выявлены их семантические классы, установлены сдвиги в валентностных моделях глаголов при присоединении различных провербов [7–11].

Цель настоящей статьи заключается в описании валентных характеристик глаголов движения в хантыйском языке на материале полевых данных ваховского диалекта хантыйского языка с использованием инструмента «Валентность глаголов» на платформе для совместной многопользовательской документации ЛингвоДок (<http://lingvodoc.ispras.ru/valency>). Для исследования реализации моделей синтаксической валентности хантыйских глаголов движения были выбраны корпуса ваховского диалекта, составленные по материалам экспедиций в 2017–2019 гг. преимущественно в п. Корлики при участии автора данного исследования. В анализ вошли два корпуса – «Глоссированные полевые материалы по ваховскому диалекту восточных ханты (д. Корлики, Ларьяк, Чахломей), 2019 г.», составитель корпуса С.В. Ковылин, и «Ваховский хантыйский. Полевые данные, п. Корлики, 2019 г.», составитель В.В. Воробьева.

Материал и методология исследования

Валентность глагола понимается в работе как лексико-синтаксическое свойство слова, его способность присоединять опреде-

ленное количество зависимых элементов в определенной форме [1]. Широкая трактовка валентности как «способности слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [12. С. 79] конкретизируется в определении М.Д. Степанова и Г. Хельбиг, которые под валентностью понимают «способность (как на логико-семантическом, так и на синтаксико-морфологическом уровне) элементов сочетаться с другими элементами (сочетательная способность), способность иметь определенное число открытых позиций, которые заполняются (могут или должны заполняться) другими определенными элементами» [13. С. 157].

Глагол выступает в качестве носителя валентности и предполагает наличие вокруг него обязательных и факультативных «открытых» позиций (называемых актантами, аргументами, партнерами), заполняемых другими словами и связанных со смысловой структурой глагола и его дистрибуцией [4]. При этом позиции при глаголе (valency slots) могут заполняться не только актантами, репрезентированными отдельными словами, но и сентенциальными актантами, а именно определенными конструкциями из других составляющих предложения [14]. Количество возможных при глаголе актантов (аргументов) определяет тип его валентности как безвалентный (безактантный), одно-, двух-, трех- и многовалентный [2. С. 566].

Классификация актантов (аргументов) на обязательные или факультативные в большинстве работ осуществляется на основе анализа всех зависимых от предиката элементов предложения и их способности повлиять на грамматическую правильность предложения. В рамках теории валентности разграничение обязательной и факультативной валентности нашло отражение в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Так, С.М. Кибардина выделяет три категории актантов: 1) содержательно и структурно обязательные актанты (субъект и объект); 2) содержательно обязательные, структурно факультативные актанты; 3) содержательно факультативные актанты [3]. Если актанты первого типа опускаются, то грамматическая правильность предложения нарушается. Опускание актантов из второй группы не влечет за собой нарушения грамматичности предложения, так как их можно восстановить из контекста и ситуации. Актанты третьего типа в предложении необязательны, они предопределяются коммуникативной ситуацией и могут компенсировать отсутствие содержательно обязательных актантов. В зарубежных исследованиях глагольной валентности, которые по большей части выполнены в рамках семантической теории [15], глагольные актанты распределяются на два класса: 1) inner participants, IP: ACT(or), PAT(ient), ADDR(essee), ORIG(in) and EFF(ect), обязательные или факультативные и 2) free modifications, FM, только обязательные [1].

Понятие валентности глагола тесно переплетено с неравнозначным ему понятием сочетаемости, которая у лексической единицы про-

является как на грамматическом, так и на семантическом уровне. «Сочетаемость – свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня; одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [12. С. 483]. Согласно положениям теории сочетаемости, типология сочетаемости строится на основе таких признаков, как лингвистическая, т.е. чисто языковая, соотношенность, экстралингвистическая соотношенность, совместная соотношенность [5. С. 22–23].

В современных лингвистических исследованиях валентность глагола рассматривается одновременно и на уровне синтаксиса, и на уровне семантики. Взаимозависимость семантической и синтаксической валентности заключается в том, что семантическая валентность мыслится как потенциальная способность глагола быть связанным с различными актантами при наличии одного определенного семантического признака в слове, в то время как синтаксическая валентность представляет собой реализацию этой способности [16, 17]. Иными словами, семантическая валентность глагола подразумевает, что позиции при глаголе заполняются контекстными актантами (аргументами, партнерами) на основе согласованности их семантики с семантикой носителя валентности, а также с учетом экстралингвистических факторов, взаимоотношений и взаимодействия предметов и явлений объективной действительности, с культурно-исторического и социального опыта носителей языка, со сферы функционирования языка [17]. На этой основе можно выделить до 25 типов семантической валентности [18]. Синтаксическая валентность отражает способность глагола комбинироваться со словами определенных частей речи по определенным синтаксическим моделям [19]. Семантико-синтаксическая валентность также сопряжена с грамматической и лексической, поскольку первая означает потенциальную способность определенных слов или форм слов комбинироваться с определенными частями речи в определенных грамматических формах, а последняя – потенциальную способность слова избирательно сочетаться с другими словами [17, 19]. Помимо этого современная типология валентности включает в себя еще такие ее типы, как логическую, внешнюю, внутреннюю, активную, пассивную и другие [17].

В хантыйском языке валентная модель глагола, т.е. его способность присоединять определенное количество зависимых актантов в определенной грамматической форме и необходимых обстоятельственных компонентов, входящих в модель элементарного предложения, зависит от свойств глагольной основы, а именно от наличия или отсутствия превербов или определенных суффиксов [10. С. 535]. Согласно данным исследователей хантыйских диалектов (Л. Хонти, В. Штейниц, Ф. Кифер, В.Е. Варда, А.Н. Закирова, Н.А. Муравьев, И.А. Николаева,

В.Н. Соловар), провербальные единицы, количество которых варьируется от шести до тринадцати, функционируют в качестве служебных единиц, передающих пространственную семантику [8–11, 20–28]. К числу суффиксов, сопряженных с валентной моделью глагола в ваховском диалекте хантыйского языка, относятся морфологические показатели косвенных падежей (латива, комитатива и др.).

Основой для отбора хантыйского языкового материала для анализа послужила типология глаголов движения, разработанная Л. Талми [29]. Согласно этой классификации, глагольный корень может содержать информацию о способе движения (*manner*) или же о маршруте перемещения (*path*), притом в разных языках преобладает первая или вторая тенденция. В языках, где в глагольном корне кодируется прежде всего способ перемещения, маршрут обычно выражается с помощью всевозможных служебных морфем (приставок, провербов, предлогов). Анализируемый хантыйский материал не дает однозначного ответа на вопрос, к языкам какого типа по данной классификации можно отнести хантыйский язык, так как в нем имеются глаголы разных словообразовательных и семантических моделей. Глаголы движения в хантыйском языке могут обозначать перемещение субъектное (например, подниматься) и субъектно-объектное (например, поднимать). Для передачи движения какого-либо субъекта/объекта в пространстве или его перемещения в хантыйском языке имеются глаголы движения, которые включают в свою содержательную структуру различные типы семантических уточнителей движения, и глаголы, в состав которых входят превербы [9, 10].

В исследуемых корпусах ваховского диалекта, составленных по материалам экспедиций в п. Корлики, Ларьяк, Чахломей в 2017–2019 гг. и размещенных на платформе ЛингвоДок, содержатся тексты сказок, бытовых рассказов, грамматические анкеты общим объемом 12 тыс. слов. Группа глаголов движения ваховского диалекта хантыйского языка представлена такими лексическими единицами как *mäntä* ‘идти, ехать, плыть’ с семантикой, нейтральной к среде и способу передвижения, *jōta* ‘приходить, приезжать, приплывать, прилетать (не о птицах)’, *kanəta* ‘взбираться’, *nōräytäyältä* ‘разбегаться’, *lüyätä* ‘выходить’, *qoyälta* ‘шагать, гулять’, *köläytä* ‘вставать’, *jältä* ‘приходить, идти’, *layläta* ‘заходить’, *porəmta* ‘наступить’, *wiyälta* ‘выходить’ *lüyätä* ‘выходить’ *kästä* ‘бежать’, *qajta* ‘оставлять’, *n’uyälta* ‘догонять’, *nōrōytätä* ‘бежать, побежать, убежать’, *lul’ta* ‘вставать на ноги’ и др. К этой группе примыкают глаголы движения с превербами: *il äljnta* ‘спать ложиться, досл. низ ложиться’, *nuḵ kültä* ‘просыпаться, досл. вверх вставать’, *ilä qoyälta* ‘вперед шагать’ и др.

При анализе материала использовались описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод компонентного анализа.

Результаты исследования

Наиболее частотным случаем в анализируемом языковом материале ваховского диалекта хантыйского языка является двухвалентная характеристика глаголов движения. Так, например, глагол *mäntä* ‘идти, ехать, плыть’ с нейтральной семантикой, не конкретизирующей среду или способ передвижения, может обозначать субъектное передвижение как человека, так и животного. В выявленных примерах глагол *mäntä* ‘идти’ проявляет себя как двухвалентный и требует заполнения двух зависимых позиций: субъекта и объекта, при этом объект может репрезентировать конечную или исходную точку движения, а также сопутствующий объект. Так, в примере 1 объект выражен существительным в комитативном падеже, маркирующем совместность действия.

1. *lüy kos-na män-yäs*
3SG звезда-COM идти-PST2.3SG
‘Он шел со звездой.’

Актант, выражающий конечную точку движения, может маркироваться суффиксом как лативного падежа, так и реже суффиксом аллативного (или направительного, по терминологии Н.И. Терёшкина [30. С. 44–45]) падежа. В примерах 2–4 позиция объекта при глаголе *mäntä* ‘идти’, называющего конечную точку движения субъекта, выражена существительным *täyilpa* ‘место’, местоимениями *noäpä* ‘ты’, *läyärä* ‘они’ в форме аллативного падежа.

2. *mäčäw täyil-pa mänä-s*
постоянный место-POSS.3SG-ALL go-PST1.SBJ.3SG
‘На уголья ушел.’
3. *möyi säyi noä-äpä män-l-ämän, noä*
какой так/таким образом 2SG-ALL идти-NPST-SBJ.1DU 2SG
läyäl-wäl, mä os köyäl-l-äm
лететь-NPST.SBJ.3SG 1SG опять шагать-NPST.SBJ.1SG
‘Как же мы к тебе пойдем, ты полетишь, а я пешком пойду.’
4. *jänk käyäl, jänk wä-wäl-t päni läy-äpä*
вода чашка вода брать-NPST-SBJ.3PL и 3PL-ALL
män-wäl-t: “äjkä, täw jöy-a ta!”
идти-NPST-SBJ.3PL мать сюда приходить-IMP.SBJ.SG то
‘Воды чашку взяли и к ней идут: «Мама, иди сюда!»

Следующий пример демонстрирует, что в ваховском диалекте хантыйского языка возможно одновременное заполнение позиций актантов, обозначающих как начальную, так и конечную точки перемещения при глаголе движения. Начальная точка движения маркируется суффиксом аблативного падежа, а конечная – суффиксом лативного падежа.

5. *iurij-oy niw wiäl-ayän ämtär-a*
чвор-ABL вниз спускаться-NPST.3SG озеро-ALL
‘Из чвора спускаются на озеро (говорится о каресе).’

Уточнение маршрута передвижения субъекта, а именно указание пределов или границ его осуществления, приводит к увеличению ак-

тантных позиций, заполняемых при глаголе. Так, глагол *wiyälta* ‘выходить’ в примере 6 демонстрирует свойства трехвалентной единицы: помимо субъекта репрезентируются также позиции начала (из леса/рощи) и окончания (к болоту) передвижения.

6. <i>min</i>	<i>wor</i>	<i>ont-oy</i>	<i>lar-a</i>	<i>c-s-əməṇ</i>
IDU	роща	нутро-ABL	болото-LAT	выходить-PST1-SBJ.1DU
‘Мы двое из леса к болоту вышли.’				

Актант при глаголе движения, маркированный суффиксом аблативного падежа, может также использоваться для выражения места, по которому движется объект (примеры 7 и 8).

7. <i>läṇki</i>	<i>nuḥ</i>	<i>äḷḷä</i>	<i>juḥ-oy</i>	<i>kaṇä-l-wäl</i>
белка	вверх	большой	дерево-ABL	лезть-MULT-SBJ.3SG
‘Белка вверх по большому дереву лезет.’				
8. <i>kiriv</i>		<i>vaḥ-oy</i>	<i>män-wäl</i>	
транспортное средство		Вах-ABL	идти-NPST.SBJ.3SG	
‘Пароход по Ваху (река) идет.’				

Свойства двухвалентной единицы проявляют и другие хантыйские глаголы движения, репрезентирующие субъектное перемещение. В примере 9 глагол *poräyälta* ‘летать’, который употребляется только по отношению к животным, обнаруживает подле себя два зависимых актанта, один из которых представляет собой обозначение конечной точки движения в форме лативного падежа *ḡata* ‘в дом’.

9. <i>püt'k-äli</i>	<i>ḡat-a</i>	<i>joḥ</i>	<i>poräyäl-s</i>
птица-DIM	дом-LAT	домой	слететь-PST2.SBJ.3SG
‘Птичка в дом залетела.’			

В примере 10 при глаголе *n'uḡälta* ‘догонять’ открыты две актантные позиции. Оба актанта, а именно субъект и прямой объект, падежными показателями не оформлены. В отношении формы объектного актанта следует отметить, что отсутствие у него падежного маркирования в сочетаниях с глаголами движения есть регулярно реализуемая закономерность в хантыйском языке.

10. <i>äṃp</i>	<i>püḡini</i>	<i>n'uḡäl-s</i>
собака	заяц	догнать-PST1.SUB.3SG
‘Собака догнала зайца.’		

Зависимая позиция объекта при глаголе может быть выражена и формой лативного падежа, как это продемонстрировано в примере 11 с глаголом движения *poräṃta* ‘наступать’. В этом случае обязательный актант обозначает объект, на который направлено действие.

11. <i>irtäkä</i>	<i>mä</i>	<i>möḡkäm-ä</i>	<i>poräṃ-ḡas-əṃ</i>
внезапно	1SG	змея-LAT	наступать-PST2-SBJ.1SG
‘Внезапно я наступил на змею.’			

Глаголы со значением прибытия *jöṭa*, *läṇata* и другие (приехать, прилететь, войти) требуют обязательного заполнения позиции конечной точки действия, а глаголы со значением удаления *lüḡäṭä*, *wiyälta* и другие (уйти, улететь, выйти, убрать, снять) – заполнения позиции исходной точки действия. Актант, который заполняет пози-

цию объекта в таких случаях, принимает форму лативного падежа, как в примере 12.

12. <i>kut-əl-a</i>	<i>joγ</i>	<i>ləŋa-s</i>	<i>päni</i>
дом-POSS.3SG-LAT	домой/внутри	заходить-PST2.SBJ.3SG	и
<i>kat pat'-nə</i>	<i>juγ kat-a</i>	<i>mälislə-wəl</i>	
дом край-LOC	дерево дом-LAT	щупать-NPST.SBJ.3SG	

‘В свой дом зашел, и у края дома деревянные стенки ощупает.’

Если указывается способ передвижения субъекта или соучастник действия, то также заполняется третья позиция, синтаксический актант при этом выражается формой комитатива. В примере 13 глагол *jōta* ‘приходить’ проявляет трехвалентные свойства, поскольку требует заполнения позиции субъекта (например, *lüγ* в форме 3-го лица единственного числа), объекта, означающего конечную точку движения (например, *kutəla* в форме лативного падежа) и факультативного объекта (*riŋna* с суффиксом комитативного падежа).

13. <i>lüγ rit-na</i>	<i>kut-əl-a</i>	<i>jō-γäs</i>
3SG boat-COM	дом-POSS.3SG-LAT	приходить-PST3.SBJ.3SG

‘Он вернулся домой на лодке.’

Форму комитативного падежа приобретают и актанты, заполняющие позицию косвенного объекта при глаголе движения и означающие сопутствующий объект (примеры 14–16).

14. <i>mā api-na</i>	<i>rit-na</i>	<i>mən-s-əm</i>
1SG папа-COM	лодка-COM	ехать-PST1-SBJ.1SG

‘Я со своим папой на лодке уехал.’

15. <i>mash jō-γäs</i>	<i>ul-na-ti</i>
Маша приходит-PST3.SBJ.3SG	ягода-COM-PRTC

‘Маша пришла с ягодой.’

16. <i>päγ-ət-nə</i>	<i>n'uyəl-l-i</i>	<i>jänki</i>	<i>köγəl-nä-ti,</i>	<i>jänki</i>
<i>köγəl-nä</i>				
мальчик-PL-LOC	догонять-PRS-PASS	вода	чашка-COM-PRTC	
вода	чашка-COM			

‘Мальчики догоняют ее с чашками воды, с чашками с воды.’

В ваховском хантыйском объект при глаголе субъектного движения может быть маркирован суффиксом абессивного (или лишительно-го, по терминологии Н.И. Терёшкина [30]) падежа, как в примере с глаголом *jältä* ‘ходить с целью работать, добывать’.

17. <i>lüγ kul-ləγ</i>	<i>jäl-γäs</i>
3SG рыба-ABS	ходить-PST2.SBJ.3SG

‘Он без рыбы пришел.’

Особенностью вах-васюганского диалекта хантыйского языка можно считать форму выражения неодушевленного объекта при переходном глаголе движения. Так, в примерах с глаголом *jōta* ‘приходить’ и глаголом *porəmta* ‘наступать’ объекты маркированы суффиксом косвенно-объектного (творительно-объектного, по терминологии Н.И. Терёшкина [30. С. 52]), падежа *-(t)ə/-(t)ä*.

18. <i>lüγ täləγ</i>	<i>köt-ä</i>	<i>jō-s</i>
3SG пустой	рука-OBJ	приходить-PST1.SBJ.3SG

‘Он без добычи вернулся. (Дословно: Он пустой руками пришел.)’

19. *vasya kōr-ä porām-γas*
 Вася нога-OBJ наступить- PST2.SBJ.3SG
 ‘Васе наступили на ногу. (Дословно: Вася ногой наступлен.)’

Таким образом, доступные для анализа примеры употребления глаголов субъектного движения показывают, что данные единицы синтаксически потенциально связаны с актантами на позициях субъекта и объекта, что относит данные глаголы к классу двухвалентных единиц. Наиболее распространенными типами объектов при глаголах движения являются обозначения исходной и конечной точки движения, соучастника движения, сопутствующего объекта, способа или места передвижения. Разные типы объектов могут употребляться при глаголе движения в сочетаниях, что приводит к образованию трехактантных глагольных конструкций. В то же время языковой материал показывает, что хантыйские глаголы движения могут употребляться и в одновалентных конструкциях, как в примерах 20–24.

20. *päy-ät kās-wäl-t: kās-wäl-t: äηkä,*
 мальчик-PL бежать-NPST-SBJ.3PL бежать-NPST-SBJ.3PL мать
äηkä, mäη-ät äl kəj-a!’
 мать 1PL-ACC NEG.PRTC оставлять-IMP.SBJ.SG
 ‘Мальчики бегут, бегут: «Мама, мама, нас не оставляй!»’
21. *wajəu nōrōytä-γäs.*
 зверь убежать-PST2.3SG
 ‘Зверь убежал.’
22. *jō-s*
 приходить-PST1
 ‘Прибыл (сейчас).’
23. *laylə-s*
 заходить-PST1
 ‘Зашел (сейчас).’
24. *jō-γäs*
 приходить-PST2
 ‘Прибыл (давно).’

В ваховском хантыйском синтаксические связи с глаголами движения могут выражаться с помощью послелогов, которые функционируют как маркеры пространственной и временной семантики. Единицы, которые можно отнести в разряд послелогов, по функциональным признакам можно разделить на две группы: собственно послелог и послеложные имена [30. С. 74].

К первой группе собственно послелогов относятся единицы, функционально и семантически сходные с русскими предлогами. Они не претерпевают формальных изменений, употребляясь после слов, синтаксические связи которых выражают в предложении. Из этой группы послелогов с глаголами движения встречаются следующие: *тосә* ‘до’, *қоуат* ‘по’, *туути* ‘через’, *қут’ηа* ‘к’ и др.

В примере 25 позицию актанта, который выражает конечную точку, заполняет собственное имя *larjaқ* ‘Ларьяк’ с послелогом *тосә* ‘до’:

25. *larjaḱ* *močə* *kəš-s-əm*
 Ларьяк до бежать- PST1-SBJ.1SG
 'Я бежал до Ларьяка.'

Существительное, которое находится в синтаксической связи с послелогом, может маркироваться падежным суффиксом. Например, в примере 26 мы находим, что при глаголе *məntü* 'идти' объектный актант выражает синтаксическую связь синтетическим способом, принимая суффикс аблативного падежа *korlikijoy* 'из Корликов', и аналитическим – с помощью послелога *muṭi* 'через'. Такое употребление не относится к типичным случаям.

26. *os* *korlikij-oy* *muṭi* *körə* *mən-tü* *mas-wel*
 ну Корлики-ABL через пешком идти-INF должен-NPST.SBJ.3SG
 'А через Корлики надо пешком идти.'

Ко второй группе относятся послеложные имена, которые могут функционировать как знаменательные, так и как служебные слова послеложного значения. Употребляясь в послеложной функции, по типу предлогов в русском языке, в ваховском хантыйском они маркируются суффиксами лативного *-a/-ä*, аблативного *-oy/-öy*, аллативного *-pa/pä* падежей, указывая на направления движения (куда?) и (откуда?), а также суффиксом местного падежа *-nə/-nä*, указывая на место (где?). При этом послеложные имена синтаксически связаны с существительным, которое падежным суффиксом, как правило, не маркировано. Суффиксы в морфологической структуре послеложных имен модифицируют семантику исходной единицы и могут рассматриваться в таких случаях как компонент единой нерасчленяемой единицы, например послеложное имя *ont-oy* «нутро»-ABL как нерасчленяемая единица приобретает значение «из, по». При глоссировании подобных примеров мы сохраняем прозрачность морфемного строения послеложного имени и указываем суффиксальную морфему как падежный маркер.

Языковой материал показывает, что в сочетании с глаголами движения употребляются послеложные имена *säyä* 'по чему-либо', *ḱasa* 'за что-либо (куда?)' и *ḱasnə* 'за чем-либо (где?)', *onta*, *onpa* 'в' (куда?), *onnə* 'в' (где?), *ontoṭ* 'из' (откуда?) (*ont* 'нутро, пространство внутри чего-либо'), *čöñčä* 'за' (куда?), *čöññä* 'за' (где?), *čöñčöy* 'из-за' (*čöñč* 'спина'), *kötä* 'между (куда?)', *kötoṭ* (откуда?) и *kötnə* 'между' (где?) (*köt* 'промежуток, пространство') и др. Каждое послеложное имя содержит в своей форме морфему падежа.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих использование глаголов движения с послеложными именами, образующими синтаксические конструкции с существительными. В примере 27 объектный актант при глаголе движения *luṭta* 'вставать' выражается существительным *ouṛi* 'дверь' без падежного суффикса с послеложным именем *ḱasa* 'за' в форме лативного падежа:

27. *oyp* *kas-a* *luP-aγan*
дверь за-LAT вставать.на.ноги-NST.SBJ.3SG
'Он встал за дверь.'

В примере 28 глагол *koγalta* 'шагать' имеет две валентности: субъект *sawəs iki* 'Севсики' и актант *lokäl säyä* 'по его следу', выраженный существительным в притяжательном склонении с послеложным именем *säyä* 'за' в форме лативного падежа.

28. *liy* *lok-äl* *säy-ä* *sawəs* *iki* *koγäl-wäl*
3SG след-POSS.3SG за-LAT лесной.дух старик шагать-
NPST.SBJ.3SG

'По его следу Севсики идет.'

Проиллюстрируем случаи употребления глаголов движения *kästü* 'бежать' и *koγalta* 'шагать' в сочетании с послеложным именем *ontoy* 'из, по', маркированным показателем аблативного падежа.

29. *wor* *ont-oy* *ämp* *käs-käs*
лес нутро-ABL собака бежать-PST2.3SG
'По лесу собака бежала.'

30. *kasí* *koγäl-wäl* *wor* *ont-oy*
человек шагать-NPST.SUB.3SG лес нутро-ABL
'Человек шагает по лесу.'

Интересным случаем является пример 31, в котором актантная позиция объекта при глаголе *mäntü* реализована конструкцией существительного *loköy* 'дорога' в аблативном падеже с послеложным именем *pöyla* в лативном падеже 'вдоль, досл. по боку'.

31. *lin* *lok-öy* *pöyl-a* *män-s-äyän*
3DU дорога-ABL бок-LAT идти-PST1-SBJ.3DU
'Они вдоль дороги шли.'

Примером использования послеложного слова в форме аллативного падежа служит предложение 32.

32. *mäj* *wor* *on-ra* *män-yäs-öy*
1PL лес нутро-ALL идти-PST2-SBJ.1PL
'Мы пошли в лес.'

В примере 33 глагол движения *kültü* 'подниматься' используется в сочетании с превербом *nuḵ* 'вверх', а одна из актантных позиций заполнена словосочетанием из двух существительных с послелогом: *juγ loryan kötöy* 'между двух корней дерева'.

33. *t'u* *älä* *juγ* *lor-γan* *köt-öy*
n'orät
этот большой дерево корень-DU промежуток-ABL
тундра
sas *nuḵ* *kül-wäl*
горноста́й вверх подниматься-NPST.SBJ.3SG
'Между корней этого большого дерева выскочил колонок.'

В примере 34 с глаголом движения *jötä* одна из актантных позиций заполнена формой личного местоимения 2-го лица единственного числа *nüη* с послелогом *pätä* 'ради', маркированным суффиксом лативного падежа, что также не является типичным случаем, поскольку послелог *pätä* 'ради' обыкновенно употребляется с суффиксом местного

падежа *-nə/-nă* (*pătănă*) и сочетается, главным образом, с местоимениями [30. С. 75].

34. <i>mă</i>	<i>tăy</i>	<i>jă-s-ăm</i>	<i>nîŋ</i>	<i>pătă-y-a</i>
1SG	сюда	приходить-PST1-SBJ.1SG	2SG	ради-EP-LAT
‘Я приехал сюда ради тебя.’				

В целом обзор языковых данных свидетельствует в пользу того, что применение послелогов обоих типов при глаголах движения является достаточно распространенным явлением. Это связано с функционированием указанных единиц в качестве уточнителей семантики глагола движения. В случае использования послелогов и послеложных имен глаголы движения охраняют свои валентные свойства.

Заключение

Использование инструмента «Валентность глаголов» базы данных ЛингвоДок расширяет исследовательские возможности при анализе корпусов хантыйских аннотированных полевых данных, собранных в ходе экспедиций в последние годы. Автоматическое выделение искомым единиц в корпусе позволяет за короткое время получить доступ к конкретным языковым примерам, отбираемым и сортируемым согласно заданным параметрам поиска. Однако функционал ЛингвоДока еще нуждается в доработке для осуществления более детальной и фокусной обработки языкового материала, в том числе по количественному и семантическому параметрам.

Полевой материал, собранный исследователями от информантов в п. Корлики, Ларьяк, Чахломей, впервые проанализирован с позиции теории валентности. Посредством функционала ЛингвоДока была произведена выборка языковых примеров с глаголами движения из аннотированного корпуса полевых данных ваховского диалекта хантыйского языка, которая позволяет сделать заключения о валентных свойствах единиц из данной лексико-семантической группы.

Группа глаголов движения в ваховском диалекте хантыйского языка включает в себя развернутую сеть лексических единиц, означающих различные способы, направления и виды субъектного движения человека и представителей фауны. Хантыйские глаголы движения в ваховском диалекте используются в синтаксических конструкциях, реализующих их различные валентные характеристики. В зависимости от контекстного содержания глаголы могут открывать от одной до трех валентностей. Наиболее частотной синтаксической связкой является сочетание глагола движения с субъектом, прямым или косвенным объектом, обозначающим различные детали движения и его направления. В конструкциях глагольные актанты могут получать различное грамматическое оформление. Объект при глаголах движения может быть маркирован лативным, аллативным, локативным, комитативным, абессивным, косвенно-

объектным (обликативным) и аблативным падежами или употребляться с двумя типами послелогов. Использование указанных падежных формантов у объектных актантов связано с функциональной спецификой соответствующих падежей в ваховском диалекте хантыйского языка. Послеложные единицы (собственно послелог и послеложные имена) применяются в синтаксических связках с глаголами движения в качестве элементов, функционально похожих на предлоги и в смысловом отношении сочетающихся с именными формами, реализующими объектные актанты. Отличительной особенностью ваховских хантыйских послеложных имен является их формальное маркирование морфемами лативного, аблативного, аллативного и местного падежей, при этом именная форма объекта, как правило, никаким падежом не отмечена. Напротив, собственно послелоги употребляются в неизменяемом виде в постпозиции к именным элементам, отмеченных падежными формантами.

Список принятых сокращений

ABL – аблатив, ALL – аллатив, COM – комитатив, DIM – диминутивный, DU – двойственный, EP – эпентетический, LAT – лативный, LOC – локативный, MULT – multicative, NPST – непрошедшее, NST – бессуффиксальное, OBJ – objective, PST1 – прошедшее на -s, PST2 – прошедшее на -yas/-yäs, PST3 – прошедшее на -yal/- yäl, PASS – пассивный, PL – множественный, POSS – посессивный, PRTC – частица, SBJ – субъектный, SG – единственный.

Список источников

1. *Lopatková M., Panevová J.* Recent developments in the theory of valency in the light of the Prague Dependency Treebank // *Insight into Slovak and Czech corpus linguistic.* 2004. P. 83–92.
2. *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: из научного наследия. М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
3. *Кибардина С.М.* Распространители в структуре предложения. (К вопросу о реализации валентности глагола) // *Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах : межвуз. сб. науч. тр. Л., 1986. С. 94–100.*
4. *Helbig G., Schenkel W.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 8, durchgesehene Auflage. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1973/1991.
5. *Влавацкая М.В. и др.* Валентность как потенциал языковой синтагматики: лексикографический аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2012. № 1. С. 46–51.
6. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988. 656 с.
7. *Соловар В.Н.* Одноактантные элементарные простые предложения с семантикой движения в хантыйском языке // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2010. № 4 (82). С. 54–61.
8. *Соловар В.Н.* Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *apa* // *Вестник угроведения.* 2018. № 3. С. 470–478.
9. *Соловар В.Н.* Структурно-семантическая характеристика обско-угорских глаголов с превербами *кйтна/катэц/катнац/китху/киттыг* ‘надвое’ // *Вестник угроведения.* 2020а. Т. 10, № 2. С. 313–322.
10. *Соловар В.Н.* Структурно-семантические особенности хантыйских глаголов с превербами *шөна/шөппи/суппи/сөппи/чөпхэ* ‘пополам’ // *Вестник угроведения.* 2020б. Т. 10, № 3. С. 534–544.

11. **Соловар В.Н.** Семантические особенности хантыйских глаголов с превербами ЙӔХА/ӦУЛӔ ‘вместе’ // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XXII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза, 2021. С. 152–155.
12. **Большой** энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
13. **Степанова М.Д., Хельбиг Г.** Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М. : Высш. шк., 1978. 260 с.
14. **Шустова С.В., Смирнова Е.А.** Теория глагольной валентности в отечественной и западной научной парадигмах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 2. С. 119–128.
15. **Lier van E., Messerschmidt M.** Lexical restrictions on grammatical relations in voice and valency constructions // STUF-Language Typology and Universals. 2022. Т. 75, № 1. P. 1–20.
16. **Шустова С.В.** К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 161–164.
17. **Найманова Ч.К.** Валентность и уровни языка. 2010. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Naimanova%20Ch.K.pdf>
18. **Апресян Ю.Д.** Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
19. **Лещева Л.М.** Комбинаторный потенциал слова и валентность. М., 2020.
20. **Honti L.** Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1 // *Linguistica Uralica*. 1999a. Vol. 35, № 2. S. 81–97.
21. **Honti L.** Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2 // *Linguistica Uralica*. 1999b. Vol. 35, № 3. S. 161–176.
22. **Steinitz W.** Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin : Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 497 S.
23. **Steinitz W.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin : [w/p], 1966–1991. 2019 S.
24. **Kiefer F.** Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective // *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. P. 323–341.
25. **Kiefer F., Honti L.** Verbal prefixation in the Uralic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. 2003. Vol. 50, № 1–2. P. 137–153.
26. **Закирова А.Н., Муравьев Н.А.** Превербы пӧх и жӧх в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ // Урал-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 53–70.
27. **Варда В.Е.** Превербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 2 (167). С. 43–49.
28. **Nikolaeva I.A.** Ostyak. München; Newcastle : Lincom Europa, 1999. 110 p.
29. **Talmy L.** Semantics and Syntax of Motion. Syntax and Semantics. Vol. 4 / ed. by J. Kimball. N.Y. : Academic Press, 1975. P. 131–138.
30. **Терёшкин Н.И.** Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л. : Наука, 1961. 204 с.

References

1. Lopatková M., Panevová J. (2004) Recent developments in the theory of valency in the light of the Prague Dependency Treebank // *Insight into Slovak and Czech corpus linguistics*. pp. 83–92.

2. Kacnel'son S.D. (2001) Kategorii yazyka i myshleniya: iz nauchnogo naslediya [Categories of language and thinking: from the scientific heritage]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 864 p.
3. Kibardina S.M. (1986) Rasprostraniteli v strukture predlozheniya. (K voprosu o realizacii valentnosti glagola) [Distributors in the structure of the sentence (On the issue of the implementation of the valence of the verb)]. Edinicy yazyka v kommunikativnom i nominativnom aspektah: mezhvuz. sb. nauch. tr. L. pp. 94–100.
4. Helbig G., Schenkel W. (1973/1991) Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 8., durchgesehene Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
5. Vlavackaya M.V. et al. (2012) Valentnost' kak potencial yazykovej sintagmatiki: leksikograficheskij aspekt [Valence as a potential of language syntagmatics: lexicographical aspect]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 1. pp. 46–51.
6. Tenier L. (1988) Osnovy strukturnogo sintaksisa [Bases of structural syntax]. M.: Progress. 656 p.
7. Solovar V.N. (2010) Odnoaktantnye elementarnye prostye predlozheniya s semantikoj dvizheniya v hantyjskom yazyke [One-Actant Elementary Simple Sentences with the Meaning of Movement in the Khanty Language] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 4 (82). pp. 54–61.
8. Solovar V.N. (2018) Osobennosti semantiki hantyjskih glagolov s preverbom *ara* [Features of the semantics of the Khanty verbs with the preverb *ara*]. Vestnik ugrovedeniya. 3. pp. 470–478.
9. Solovar V.N. (2020a) Strukturno-semanticheskaya harakteristika obsko-ugorskih glagolov s preverbami *kätna/katäw/kamnäw/kutxu/kuttiŋ* 'nadvoe' [Structural and semantic characteristics of Ob-Ugric verbs with preverbs *kätna/katäw/kamnäw/kutxu/kuttiŋ* 'in two']. Vestnik ugrovedeniya. Vol. 10. 2. pp. 313–322.
10. Solovar V.N. (2020b) Strukturno-semanticheskie osobennosti hantyjskih glagolov s preverbami *šöpa / šöp̄pi / sup̄pi / sop̄pi /čöpxä* 'popolam' [Structural and semantic features of the Khanty verbs with preverbs *šöpa / šöp̄pi / sup̄pi / sop̄pi /čöpxä* 'in half']. Vestnik ugrovedeniya. Vol. 10 (3). pp. 534–544.
11. Solovar V.N. (2021) Semanticheskie osobennosti hantyjskih glagolov s preverbami *JÄHA/ĤUJJA* 'vmeste' [Semantic features of Khanty verbs with preverbs *JÄHA/ĤUJJA* 'together']. Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii. Sbornik statej XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v 2 chastyah. Penza. pp. 152–155.
12. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [Big Encyclopedic Dictionary] (1998). Gl. redaktor V.N. Yarceva 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 685 p.
13. Stepanova M.D., Hel'big G. (1978) Chasti rechi i problema valentnosti v sovremennom nemeckom yazyke [Parts of speech and the problem of valence in modern German.]. M.: Vysshaya shkola. 260 p.
14. Shustova S.V., Smirnova E.A. (2015) Teoriya glagol'noj valentnosti v otechestvennoj i zapadnoj nauchnoj paradigmatke [The theory of verbal valency in Russian and Western scientific paradigms]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Vol. 1 (2). pp. 119–128.
15. Lier van E., Messerschmidt M. (2022) Lexical restrictions on grammatical relations in voice and valency constructions. STUF-Language Typology and Universals. Vol. 75 (1). pp. 1–20.
16. Shustova S.V. (2013). K voprosu o funkcional'nom potencie yazykovej edinicy (na primere semanticheskoy i sintaksicheskoy valentnosti) [On the question of the functional potential of a language unit (on the example of semantic and syntactic valency)]. Istor. i soc.-obrazovat. mysl'. Krasnodar. 3. pp. 161–164.
17. Najmanova Ch.K. (2010) Valentnost' i urovni yazyka [Valence and levels of language]. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Naimanova%20Ch.K.pdf>.

18. Apresyan Yu.D. (1974). Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics: Synonymous means of language].
19. Leshchyova L.M. (2020). Kombinatornyj potencial slova i valentnost' [Combinatorial potential of the word and valency].
20. Honti L. (1999a) Das Alter und die Entstehungsweise der "Verbalpräfixe" in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1. *Linguistica Uralica*. Vol. 35 (2). pp. 81–97.
21. Honti L. (1999b) Das Alter und die Entstehungsweise der "Verbalpräfixe" in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2. *Linguistica Uralica*. Vol. 35 (3). pp. 161–176.
22. Steinitz W. (1980) Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, Band IV. 497 p.
23. Steinitz W. (1966–1991) Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: [w/p]. 2019 p.
24. Kiefer F. (1997) Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective. Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 323–341.
25. Kiefer F., Honti L. (2003) Verbal prefixation in the Uralic languages. *Acta Linguistica Hungarica*. Vol. 50 (1–2). pp. 137–153.
26. Zakirova A.N., Muraviev N.A. (2019) Preverby *nõx* i *jõxi* v zapadnyh dialektah hantyjskogo yazyka: aspektual'nyj i diskursivnyj analiz [Preverbs *nõx* and *jõxi* in the Western dialects of the Khanty language: aspectual and discursive analysis]. *Ural-Altaic Studies*. 4 (35). pp. 53–70.
27. Varda V.E. (2016) Preverby v vostochnykh dialektah hantyjskogo yazyka [Preverbs in Eastern dialects of the Khanty language]. *Vestnik TGPU*. 2. pp. 43–49.
28. Nikolaeva I.A. (1999) *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa. 110 p.
29. Talmy L. (1975) *Semantics and Syntax of Motion*. *Syntax and Semantics*. Vol. 4 / Ed. by J. Kimball. NY: Academic Press. pp. 131–138.
30. Tereshkin N.I. (1961) *Ocherki dialektov hantyjskogo yazyka (vahovskij dialekt)* [Grammar of the Khanty language dialects (Vakh dialect)]. L.: Nauka. 204 p.

Информация об авторах:

Воробьева В.В. – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН (Москва, Россия); доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: vorobeveva@tpu.ru

Новицкая И.В. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: irno2012@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vorobeveva V.V., Ph.D. (Philology), Researcher, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow, Russia); Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: vorobeveva@tpu.ru

Novitskaya I.V., D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irno2012@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 26.10.2022; принята к публикации 10.01.2023

Received 26.10.2022; accepted for publication 10.01.2023